

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА СССР И ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА

В.С. Смирнов, д-р экон. наук,

Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития РФ и РАН

Понятие «основной экономической закон» - детище советской политэкономии. Появилось оно в 1952 г., когда в СССР была издана небольшая книга «Экономические проблемы социализма в СССР», авторство которой приписывается И.В. Сталину¹. Она была написана по результатам экономической дискуссии ноября 1951 г., посвященной обсуждению макета учебника политической экономии. Одним из идейных вдохновителей этой дискуссии был известный советский политэконом А.И. Ноткин, которому видимо и принадлежит базовый текст «Экономических проблем...», включая вопросы, задаваемые им Сталину и ответы Сталина на них. Так или иначе, в этом тексте отчетливо видна работа экономиста-профессионала.

Сам по себе вопрос об авторстве этой книжки-брошюры едва ли представляет интерес для экономиста или историка: это, как говорится, вопрос технический. Но в данном случае в роли автора выступил вождь, каждое слово которого было, как известно, священным. Это не могло не наложить свой отпечаток на ее восприятие, тем более что речь шла о принципиальных вещах, исключавших непричастность Сталина к тексту: в ней были представлены точки над *i* по таким важным вопросам, как товарное производство при социализме, закон стоимости при социализме, соотношение разных форм социалистической собственности и проч. Устами вождя цены, себестоимость, рентабельность объявлялись учетно-статистическими категориями, а не регуляторами производства. О прибыли не упоминалось вообще, но она - производное от цены и себестоимости, поэтому и она автоматически входила в эту систему категорий. Сам факт того, что прибыль вплоть до косыгинской реформы 1965 г. фактически была запретной категорией, составляет и поныне какую-то мистическую загадку, несовместимую со всем предшествующим опытом человечества.

Все это означало утверждение курса на свертывание товарно-денежных отношений (ТДО), тормозящих (по Сталину) развитие производительных сил. Предполагалось, что такое развитие лучше обеспечит, в соответствии с рекомендациями классиков марксизма, прямой продуктообмен. Фактически это означало повторение, хотя и с модификациями, соответствующими текущей действительности, экспериментов периода «военного коммунизма», которые, как известно, окончились ничем и вынудили Ленина перейти к НЭПу. Между тем на начало 50-х годов свертывать-то было, попросту говоря, нечего, поскольку то, что Сталин называл товарными отношениями, было лишь их профанацией в условиях глубокой экономической несвободы и неравноправного положения разных субъектов экономики. В то же время, исторический момент как нельзя лучше подходил для развертывания ТДО: любая большая война, как известно, не только разрушает, но и созидает, создает предпосылки для обновления и ка-

чественного рывка. Именно это произошло за три года до появления «Экономических проблем...» в побежденной Советским Союзом Германии, экономический потенциал которой был разрушен, исходя из чисто логических обоснований, больше, чем в СССР. Но в Германии в отличие от СССР нашелся реформатор в лице Л. Эрхарда, который реализовал на практике свою теорию социального рыночного хозяйства и вывел страну на путь обновления². Едва ли нужно специально доказывать, что вся общественная атмосфера в послевоенном СССР «дышала» необходимостью обновления, поскольку чаяния народа на облегчение участи к этому времени никак не оправдались, сельское хозяйство, как крупнейшая в то время отрасль экономики, испытывало острейшую нужду в эквивалентном обмене города и деревни, а 1952 г. - это пик возврата крестьянства к крепостному праву.

Из «Экономических проблем...» можно сделать вывод, что в то время в СССР выдвигалось немало предложений по интенсификации экономических отношений, но все они пресекались Сталиным «на корню». Так, экономисты-аграрники В.Г. Венжер и А.В. Савина выступили с блестящей идеей перевести колхозы на самокупаемость, продав им технику машинно-тракторных станций и освободив государство от одной из самых больших удавок, которые оно само на себя накинуло - капитальных вложений в аграрный сектор. Идея была «сырватая», она явно опережала свое время и по экономической мощи колхозов, и по общей экономической атмосфере в стране, но все это можно было обсуждать и принимать концептуальные решения именно на такого рода прорывных направлениях. Вместо этого Сталин «отчитал» экономистов за попытку сделать кооперативно-колхозную собственность самостоятельной и тем самым интенсифицировать товарные отношения, которые, по его мнению, и наличествовали-то в СССР главным образом потому, что колхозная собственность существовала особняком, а «эти явления (товарные отношения и колхозная собственность - В.С.) ... уже теперь начинают тормозить мощное развитие наших производительных сил, поскольку они создают препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием» (с. 68). В свою очередь, Сталин выдвинул все ту же идею прямого обмена товарной продукции колхозов на необходимые им средства производства. В обоснование тезиса, почему это лучше, не было сказано ничего, кроме того, что усиление колхозов расширит сферу товарного обращения, что колхозы тогда станут собственниками средств производства, а этого нельзя допустить, поскольку такое развитие событий «может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму».

О том, что в разговорах о коммунизме не было никакой демагогии, что это говорилось всерьез, свидетельствует факт, ко-

¹ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. - М.: Госполитиздат, 1953. Впервые текст был опубликован в журнале «Большевик», 1952, № 18. Далее в тексте - «Экономические проблемы...» с нумерацией страниц цитируемого текста.

² См.: Эрхард Л. Благосостояние для всех // Пер. с нем. - М., 1991. - 332 с.

торый стал известен совсем недавно из архивных источников. Оказывается, что 7 сентября 1947 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался проект ее Программы, где прямо ставилась цель «в течение ближайших 20-30 лет построить в СССР коммунистическое общество»³. Программа не была принята по каким-то причинам, но в «Экономических проблемах...» сформулированы условия перехода к коммунизму, предметных из которых четыре - «сократить рабочий день по крайней мере до 6, а потом и до 5 часов... ввести общеобязательное политехническое обучение... коренным образом улучшить жилищные условия и поднять реальную зарплату рабочих и служащих минимум вдвое, если не больше» (с. 69)⁴. Относительно механизма обмена колхозных излишков на средства производства - как соблюсти необходимые и достаточные условия такого обмена, где взять конкретные средства производства в условиях тотального дефицита всего и вся, как скажется дефицит на факторе времени, имеющем в сельском хозяйстве особое значение, - не было сказано ни слова. И это дилетантство, возвращавшее страну в какие-то первобытно-общинные отношения, вколачивалось железной рукой в общественное сознание!

Форменный гнев Сталина вызвала попытка политэконома Л.Д. Ярошенко подвергнуть сомнению правомерность распространения на социализм сформулированного К. Марксом в «Капитале» для капитализма закона преимущественного роста производства средств производства в сравнении с предметами потребления. Этот вопрос слишком специфический, чтобы его можно было обсуждать в данной статье, но конечная суть такова: капитализм доказал, что он может обойтись без этого закона, а искусственное насаждение этого закона социализмом ускорило его собственную гибель⁵. Кроме того, судя по «Экономическим проблемам...», Ярошенко претендовал на создание им самостоятельного курса политэкономии социализма! Далее дело дошло до того, что Ярошенко позволил себе какую-то форму критики Сталина в письме в Политбюро⁶.

Все это производит гнетущее впечатление, но одновременно, как мне представляется, объясняет тот факт, что скольконибудь реальные сдвиги в экономических отношениях начались в СССР только после смерти Сталина. Отстаивание им марксистских установок, опровергнутых самой жизнью, может найти двойное объяснение: искренней религиозной верой в недалекое светлое будущее и полным отсутствием представлений о реальном положении в стране. Это прослеживается и в вопросе о колхозной собственности: только вождю было неизвестно, что система могла делать с этой собственностью все, что ей заблагорассудится, не делая никаких различий между колхозной и совхозной (государственной) собственностью. В частности, за два года до этих случаев никто не посчитался с правом колхозов распоряжаться своей собственностью, укрупнив их, что было, видимо, одной из крупнейших ошибок за все 60 лет коммунистического волюнтаризма в сельском хозяйстве.

Именно из «Экономических проблем...» человечество уз-

нало о том, что и социализм, и капитализм имеют свой основной экономический закон. Один из разделов так и назывался: «Вопрос об основных экономических законах современного капитализма и социализма». До этого в марксистской политэкономии был известен лишь сформулированный в разных вариациях в «Капитале» К. Маркса «абсолютный закон капиталистического способа производства - производство прибавочной стоимости» или (добавлял Маркс) нажива. По социализму, который Маркс называл первой фазой коммунизма, ничего определенного на этот счет нет. Ленин в 1902 г. в проекте Программы РСДРП, наполненном массой обещаний - неограниченной свободы слова и печати, пенсионного обеспечения рабочих, воспреещения ночного и сверхурочного труда и проч., определил, что экономика будущего социалистического общества предназначена «... для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов». Сталин в «Экономических проблемах...» фактически в соответствии с этим тезисом, но с одним чрезвычайно тонким уточнением, характеризующим его дальновидность (об этом ниже), обозначил «существенные черты и требования основного экономического закона социализма», которые «можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» (с. 40).

История, как известно, не знает сослагательного наклонения, и посему остается только гадать, что было бы, если бы установки вождя были реализованы. Ныне некоторые склонны увидеть в тезисе Сталина о выводе средств производства из товарно-денежных отношений начала теории двухуровневой экономики (командные высоты в виде тяжелой промышленности будут в руках государства, а все остальное может плыть по волнам рынка), якобы реализованной на практике в нынешнем якобы социалистическом Китае. Поистине, надо обладать каким-то специфическим складом ума, чтобы додуматься до этого, поскольку 1) СССР имел экономику, близкую к двухуровневой, при НЭПе, а он был свернут Сталиным; 2) сталинская экономика также была двухуровневой, с той лишь разницей, что все сектора и все рычаги, включая цены, должны были «работать» на тяжелую промышленность, и приписать Сталину намерение «перевернуть» такую экономику было бы верхом нелепости; 3) является ли Китай социалистической страной - это еще вопрос, но в любом случае, если он и преодолел ныне мракобесие мао-цзедуновских времен, то не ценой свертывания товарно-денежных отношений, а напротив, благодаря их развитию. В настоящее время (точнее, по состоянию на 2003 г.) в Китае централизованно планируется выпуск пяти видов продукции (из нескольких миллионов): топливо по видам и автомобили; 90% цен устанавливаются на свободном рынке⁷.

Как бы там ни было, фактом является то, что чисто экономические воззрения Сталина развития в СССР не получили и

³ Чуднов А.И. Денежная реформа 1947 г. в контексте советской денежно-кредитной политики 1930-1950-х годов. - Кемерово, 2002. С. 4.

⁴ В формулировке этих условий Сталин проявил, как представляется, какую-то несвойственную ему «маниловщину» - уж очень это все несбыточно и несочетаемо, а относительно зарплат просто нелепо: и при удвоении ее основная масса советских людей не вылезла бы из нищеты!

⁵ См. об этом: Смирнов В.С. Экономические причины краха социализма в СССР. // Отечественная история. 2002. № 6.

⁶ Похоже на то, что Л.Д. Ярошенко принадлежал к числу «чудаковатых гениев» и не понимал, на что он замахивался, хотя, разумеется, перед его научной честностью можно только преклоняться. Из воспоминаний «патриарха» советской статистики В.Н. Старовского, который был научным руководителем диссертации Ярошенко, следует, что еще до выхода «Экономических проблем...» Ярошенко был исключен из партии и арестован, а Старовского вызвали на заседание Политбюро, где Сталин обвинил его в том, что он инструктировал Ярошенко перед дискуссией. Старовский был отстранен от работы и три месяца ждал ареста, тем более что Хрущев на заседании горкома партии Москвы, где Старовского исключали из партии, прямо обвинил его в организации заговора против Сталина. Но впоследствии Старовский был восстановлен на работе и в партии. Ему тогда было 47 лет, следовательно, Ярошенко могло быть около 30 лет. См. об этом: Вопросы статистики. 1996. № 9. С. 76-80.

⁷ См.: Кулик Б.Т. Строительство социализма с китайской спецификой. // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 23.

впоследствии «официально» были признаны ошибочными. В принципе все это было абсолютно закономерно, поскольку предпосылки к «замораживанию» сталинизма в стране не было.

Иначе дело обстояло с основным экономическим законом (далее ОЭЗ). Само по себе очевидно, что его формулировка - всего лишь пропагандистский штамп, экономически не имеющий никакого смысла и, что чрезвычайно важно, ни к чему не обязывающий: разумеется, не случайно в сталинской формулировке речь идет о потребностях общества, но не его членов, как это было у Ленина. Однако благодаря ярко выраженной пропагандистской окраске закон, напротив, получил «зеленый свет», хотя и в слегка измененной формулировке: не слишком удачное в данном контексте слово «культурных» было заменено на «духовных». Его широкой популяризации способствовали многие обстоятельства - нарочитая размытость формулировки, позволявшая черное сделать розовым, наличие абсолютного «железного занавеса», исключавшее возможность какого-либо сравнения с остальным миром, отсутствие оппозиции и т. д.

После смерти Сталина все это трансформировалось и ситуация усложнилась. Упор на потребности общества, а не его членов дал возможность Сталину не закладывать в ОЭЗ принцип «хлеба и зрелищ», хотя вся послевоенная атмосфера в стране объективно вела к нему, и именно поэтому этот принцип получил в дальнейшем развитие. Диалектика здесь состояла в том, что на уровне благих пожеланий и прекраснотушних мечтаний, из которых в основном и состоят социалистические учения, этот закон совсем не бессмыслен: социализм изначально мыслился как строй, в котором нет никаких интересов, кроме общественных. Фактически весь вопрос состоял в том, что понимать под общественными интересами - это интересы *общества* или *системы*. Для Сталина (точнее - сталинизма) этот вопрос не стоял, поскольку и Сталин, и сталинизм сливали два этих разноплановых понятия в одно целое. В этом смысле Сталин был прав, когда выдвигал тезис, что углубление товарно-денежных отношений мешает развитию производительных сил, поскольку под таким развитием им понималось то, что соответствует интересам системы. Экономического механизма, обеспечивающего баланс интересов общества и системы, социализм не имел. В частности, он имманентно не может совершенствовать производство на базе высшей техники; лучшее, что ему удастся, это непрерывное наращивание производства, но этому препятствуют объективные экономические границы. Поэтому социализм мог бы, если бы был в состоянии отслеживать свои возможности, противопоставить принципу «хлеба и зрелищ», который он не в состоянии обеспечить, все то, в чем он действительно силен или, по меньшей мере, может это пропагандистски обосновать: равенство, социальную стабильность с ее уверенностью в завтрашнем дне, отсутствие безработицы и, наконец, самое основное, ради чего социализм затевался, - ликвидацию эксплуатации человека человеком. Заметим, что все эти установки носят не экономический, а идеологический характер, а поскольку за все надо платить, их реализация идет вразрез с эффективностью экономики, через которую только и можно обеспечить максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей.

Но все это плохо осознавалось идеологами. Массированная пропаганда в СМИ, в системе партучебы и с кафедр общественных наук привела к тому, что этот тезис стал оседать в сознании как «низов», так и «верхов». И то и другое содержало элемент опасности для судеб социализма, ибо благие намерения «верхов» входили в противоречие с ограниченными возможностями системы, а ограниченность возможностей системы входила в противоречие с неограниченными потребностями «низов».

По моему мнению, последнее обстоятельство сыграло большую, возможно решающую роль в судьбах социализма в СССР, поскольку в значительной мере предопределило дальнейшее развитие событий, хотя по-иному эти события развиваться не могли. Оно усиливалось тем, что спектр знаний «верхов» о возможностях социалистической экономики, видимо, уместился в границах от смутного до фантастического. Считается, что это наиболее отчетливо было продемонстрировано Хрущевым в его знаменитой Программе КПСС 1961 г., обещавшей советскому народу, в полном соответствии с ОЭЗ, к 1980 г. зачатки коммунизма, но на самом деле проходит «красной нитью» через всю историю социалистического строительства, начиная с первозданной идеи классиков.

О том, что Сталин ушел не слишком далеко от Хрущева в видении насущных экономических проблем страны, свидетельствует история с его ныне уже основательно подзабытой программой перспективного экономического развития СССР, выданной в речи на собрании избирателей 9 февраля 1946 г. В ней была поставлена задача обезопасить страну от случайностей путем увеличения промышленного производства в сравнении с довоенным уровнем втрое за 15 лет (точнее - «три новых пятилетки, если не больше»); объемы производства нужно было довести до (млн. тонн в год): чугуна - 50, стали - 60, нефти - 60, угля - 500. В сравнении с 1940 г. это означало увеличение соответственно в 3,3; 3,0; 1,9; 3,0 раза.

Сопоставляя программы Сталина и Хрущева, можно сказать, что вторую отличала от первой четко выраженная социальная направленность экономического роста, но она была нереализуема. Сталинская программа была выполнена в срок и досрочно: намеченные объемы были достигнуты по нефти в 1954 г., по стали и углю - в 1959 г., по чугуну - в 1961 г. По данным официальной статистики, общий объем промышленного производства в СССР уже в 1955 г. возрос в сравнении с 1940 г. в 3,2 раза, а в 1960 г. - в 5,2 раза.

Придавать большое значение последним данным нельзя, но так или иначе можно констатировать, что основные наметки программы были выполнены. Но в программе Хрущева виделся какой-то конечный смысл, программа Сталина социально была мертва, хотя исходя из того факта, что она была обнародована после окончания Великой Отечественной войны, эта программа хотя бы по идеологическим соображениям должна была содержать какие-то социальные подпрограммы, например программу обеспечения миллионов инвалидов войны простейшими транспортными средствами. Экономически же программа была безграмотна по всем пяти составляющим. Ниже следуют попытки доказательства этого.

1. Программа задавала на длительный по экономическим меркам 15-летний период одинаковые темпы роста промышленного производства в целом и таких базовых ресурсов, как чугун, сталь и уголь. Это означало установку на экстенсивный рост экономики без ее качественного совершенствования, и в частности без изменения ее структуры в пользу обрабатывающей промышленности, которая только и определяет (точнее, определяла в те времена) динамичность экономики. Резкое отставание в заданиях по нефти лишь усугубляло ситуацию. В то же время в перечне отсутствовал такой важнейший материальный ресурс, как электроэнергия, который даже в развитой рыночной экономике в наибольшей мере коррелирует по темпам прироста с общеэкономической динамикой. Из всех натуральных показателей это наиболее синтетический показатель, отображающий как социальные ориентиры, так и технико-технологическую устремленность в будущее. В частности, для создания великой ракетно-ядерно-космической державы не было нужды выплавлять 50 млн. тонн чугуна или, тем более,

добывать 500 млн. тонн угля, но электрифицировать страну было необходимо.

2. Примерно 90% всего выплаваемого чугуна идет на производство стали, то есть это промежуточный продукт черной металлургии, но никакой жесткой привязки тоннажа этих двух продуктов между собой нет, поскольку количество расходного при выплавке стали чугуна может варьировать в широких пределах. Остающиеся 10% приходится (не считая совсем мелких позиций) на так называемый литейный чугун, который производится для машиностроения и самим машиностроением и заранее планироваться не может. В свою очередь 4/5 и более всей выплаваемой стали идет на производство проката, который включает в себя большое количество незамещаемых позиций (видов); только эти виды и служат реальному удовлетворению потребности, причем сопоставлять их по тоннажу никак нельзя. Зачем нужно было централизованно устанавливать задания по валовому производству ресурсов, идущих в дальнейший передел, так и осталось загадкой социалистического планового хозяйства. Основной вопрос здесь не в излишестве показателя как такового, а в ущербе, который при этом несет экономика: любой показатель, в особенности натуральный, в условиях диктата плана является *ограничением* и, как всякое ограничение, создает дополнительные пути, усложняя ситуацию на всех уровнях - от бригады и цеха до страны в целом.

3. Похоже на то, что именно сталинская программа, которая сразу по выходе приобрела силу закона в первую очередь на отраслевом уровне, была причиной стремительного нарастания засилья черной металлургии, которое очень дорого далось советской экономике и которое она так и не смогла преодолеть. Этот вопрос слишком специфический и может составить предмет самостоятельного исследования, но все-таки доведем до читателя один весьма примечательный факт: СССР по удельной энергоемкости экономики, измеряемой через расход энергии на единицу валового внутреннего продукта, отставал от развитых стран в 3-5 раз. Примерно 1/3 этого отставания можно списать на сыровые природно-климатические условия. Металлоемкость зависит от климата намного меньше, а по ней СССР отставал еще больше. Инвестиционные ресурсы, выделявшиеся в СССР на обеспечение страны черными металлами, превосходили в 1980-1987 гг., по моей оценке 1991 г. (неопубликованной), исходя из их доли в валовом внутреннем продукте, уровень их в Японии, по меньшей мере, в два раза, а в США - в 8-10 раз. При этом нужно учесть, что Япония в этот период была крупнейшим мировым экспортером стали и изделий из нее, СССР имел примерно нулевое сальдо экспорта-импорта черных металлов.

4. Самым большим недоразумением сталинской программы с точки зрения ее экономической грамотности было ненормальное соотношение в производстве угля и нефти в пользу угля. Оно сложилось еще в 1930-е годы, и это тоже составляет прямо-таки натуральную загадку.

На этом вопросе придется остановиться подробнее, так как сколько-нибудь внимательное изучение его позволяет заключить, что это было одной из крупнейших хозяйственных ошибок социализма, граничащей с преступлением перед обществом. Прямая связь его с ОЭЗ социализма не слишком очевидна: она могла бы проявиться, например, через массовую автомобилизацию населения, но в те времена вопрос об этом стоять не мог. Более

важна здесь опосредованная связь - ОЭЗ неотделим от качества экономики, от грамотности принимаемых в ней решений. Дело в том, что это соотношение имеет слишком большое значение в масштабах страны, поскольку в значительной мере определяет структуру всей экономики. Уголь - это прошлое экономики, нефть - ее настоящее и будущее; уголь - это век печки и паровой машины, нефть - это нефтехимия с ее высокими технологиями, двигатель внутреннего сгорания, дизель. Именно по последнему фактору определяющим для 1930-х годов было то, что нефть - это стратегическое военное сырье, хотя экономически не это было основным.

Разумеется, нефть предъявляла качественно иные требования к металлургии, машиностроению, инфраструктуре, но в этом и состояла ее созидательная роль. В 1939 г. в СССР осознавалось, что «Конец 19 и начало 20 вв. ... характеризуются возрастающим значением нефтяной промышленности в мировом хозяйстве, завоеванием нефтью решающих позиций в энергетическом балансе капиталистических стран... Развитие нефтяной промышленности и особенно переработки нефти является важнейшей предпосылкой индустриального роста современных государств...»⁸. Само по себе это вроде бы осознавалось и применительно к внутренним нуждам страны, и не в 1939 г., а много ранее. Это можно проследить, придерживаясь многотомного издания, в котором в хронологическом порядке представлены основные хозяйственные решения, принимавшиеся центральными властями на протяжении первых 50 лет советской власти⁹. Но сколько-нибудь внимательное изучение их позволяет заключить, что тогда правая рука не знала, что делает левая, и ниже это будет продемонстрировано.

В тепловой энергетике уголь и нефть практически полностью взаимозаменяемы (1 тонна нефти в виде мазута заменяет 2-2,5 тонны угля), но СССР в 1930-е годы взял курс не столько на угольную теплоэнергетику, сколько на разработку местных видов топлива, прежде всего торфа, что также более чем странно, поскольку торф как топливо резко уступает углю¹⁰. Но уголь, в свою очередь, резко уступает нефти во всех остальных сферах использования, в том числе и как экспортный ресурс. Еще в 1927 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) констатировалось, что самыми выгодными для экспорта товарами являются нефть и марганец, а заместить в экспорте зерно нефтью было вполне посильной и напрашивающейся задачей - зерно тоже может экспортироваться, но не ценой массового голода, который был реальностью в СССР в 1930-е годы и в 1946-1947 гг. Уступает уголь нефти и по экономическим показателям добычи - срокам освоения месторождений и вводимых мощностей, отчасти по капиталоемкости; наиболее резко уголь и нефть различаются по производительности труда и себестоимости - в нефтедобыче производительность выше в пять и более раз, себестоимость - ниже в три-семь раз (в обоих случаях - с учетом разности в калорийности топлива). При этом нужно учесть, что СССР в отличие от США, например, не имел высококачественных дешевых энергетических углей, а сырьевая база нефти в СССР была в то время, видимо, одной из лучших в мире. Затраты на транспорт угля могут достигать до 70% всех издержек конечного потребления, а нефти и нефтепродуктов - порядка 30%, потери угля при транспортировке (так называемое выдувание) могут достигать до 20%. Наконец, и дислокация угольной про-

⁸ БСЭ, 1-е изд., т. 41, ст. 798/9.

⁹ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам в 5-ти томах. Сборник документов за 50 лет. - М.: Политиздат, 1968. Далее в ссылках: Решения..., № тома, № стр.

¹⁰ В истории с торфом настораживает то, что на СССР приходилось 90% его мировой добычи, хотя по наличию всех видов топлива в недрах страна стояла на первом месте в мире. Единственной страной, добывающей торф в сопоставимых с СССР (удельно) масштабах, является Ирландия, которая, как известно, не может похвастаться ничем другим... В то же время известно, что на торфоразработках оставили свое здоровье тысячи и тысячи советских людей. Похоже на то, что это было типично социалистическое достижение!

мышленности в СССР была стратегически уязвимой, поскольку на Донбасс, который был крупнейшим производителем коксующегося угля - «хлеба» черной металлургии, перед войной приходилось около 60% всей добычи всех углей.

Все это не могло пройти, по меньшей мере в какой-то размытой форме, мимо человека, которому приписываются способности отслеживать все и вся - место Ивана Грозного в российской истории, уровень зарплаты доцентов, роль кооперативно-колхозной собственности в товарно-денежных отношениях, значение церкви в критическое для страны время, отдельные театральные спектакли и творения соцреализма, типы самолетов... Более того, есть свидетельства, что Сталин отслеживал и эту проблему¹¹. На фоне этого каким-то недоразумением кажется то, что СССР все 1930-е годы последовательно проводил курс на ускоренное развитие угольной промышленности в сравнении с нефтяной.

В 1880-1913 гг. в мире были две ведущие нефтедобывающие страны - США и Россия. На рубеже веков Россия занимала 1-е место в мире, но к 1913 г. США резко ушли «вверх» и на Россию пришлось порядка 19% мирового производства. В этот год Россия добыла 9,2 млн. тонн нефти, а угля - 29,1 млн. тонн, то есть соотношение составило 32 : 100; в 1929 г. нефти было добыто 36% от добычи угля, в 1937 г. - 24%, в 1940 г. - 19%, на 1942 г. намечалось, в соответствии с планом третьей пятилетки, дальнейшее нарастание этого разрыва, то есть опережающее развитие угольной промышленности, плановое соотношение на 1950 г. составляло 14%, а Сталин планировал на 1960 г. 12% (!). Добыча торфа еще более резко опережала по темпам нефтедобычу. К началу войны практически единственным, с точки зрения театра военных действий, районом добычи нефти был Кавказ (Майкоп, Грозный и Баку), и ныне известно, на какую грань военной катастрофы была поставлена страна по этому фактору. Нарастание этой опасности можно датировать еще 1930 г., когда было издано постановление ЦК ВКП(б) «О положении нефтяной промышленности». В этом документе предписывалось «обратить особое внимание на поиски и разведку нефтеносных площадей в восточной части СССР (Урал, Эмба, Сахалин, Поволжье и др.), на быстрое развитие новых районов», но в то же время устанавливались нелепо высокие задания по добыче в 1933 г. (которые в реальности были достигнуты лишь в 1952 г.), с тем, чтобы *не менее* (выделено мною - В.С.) 90% нефти было получено с площадей Закавказья и Северного Кавказа¹². Грозненский промысел, давший в 1932 г. 36% всей нефтедобычи, к 1937 г. снизил ее почти втрое, хотя наметками 1932 г. там планировалось нарастить добычу в 1,5 раза, а сама Грознефть по своему же встречному плану рассчитывала ее удвоить. Средний дебит так называемых насосных скважин, то есть количество нефти, получаемой за сутки из одной скважины с помощью насосов, составил, по данным переписи 1934 г., в целом по СССР 4,2 тонны, что явно не соответствовало качеству сырьевой базы и свидетельствовало о крайне низком техническом уровне производства. Хотя в Волго-Уральской нефтегазоносной области (так называемое Второе Баку) первая нефть была получена в 1929 г., а к началу войны было разведано 15 месторождений нефти, добыча там составила в 1940 г. 1,8 млн. тонн, что примерно соответствовало использованию какой-то доли одного месторождения. На северном Сахалине добыча началась в 1920-е годы, а о наличии нефти в Коми (Печора) было известно несколько столетий назад. В 1913 г. Россия добыла нефти 18% от уровня США, СССР в 1937 г. - 13%, в 1950 г. - 12%, а дореволюционное соотношение было достигнуто лишь в 1955 г. В 1930-е годы СССР объективно не мог даже

отдаленно приблизиться к уровню развития энергетики США, но *не ухудшать структуру топливного баланса страны было прямой обязанностью системы управления.*

Справедливости ради нужно отметить, что уголь все-таки имел два преимущества перед нефтью - техническое и кадровое. Первое состояло в том, что экономика нуждалась в специальных углях для черной металлургии и химии - это примерно 15% всей угледобычи; второй фактор состоял в большей возможности использования в угледобыче, по крайней мере во вспомогательных производствах, труда заключенных. Видимо, отчасти этим можно объяснить тот факт, что Печорский угольный бассейн главным образом после войны, но с базой, созданной до войны, получил мощное развитие, но это не объясняет, почему добыча нефти в Коми «зачахла» и стала интенсивно нарастать лишь на рубеже 1960-х-1970-х годов. Но в любом случае видеть в этих благоприятных для угля факторах первопричину странной «энергетической политики» тех лет никак нельзя. Похоже на то, что это был типичный «секрет полишинеля»: да, мы все это знаем, нефть - дело хорошее, но уголь имеет разведанную сырьевую базу, рисков с ним меньше, подготовка рабочей силы проще, на торфоразработки можно людей гнать эшелонами и т. д.

Эта политика предстанет в еще более странном свете, если рассмотреть еще один источник энергии - природный газ. По данным БСЭ-1, т. 14, в 1929 г. в СССР насчитывалось 15 месторождений или групп месторождений газа, а БСЭ-2, т. 10, для 1940 г. ведет счет уже на 200 месторождений с неисчислимыми запасами, но уровень их промышленной подготовки неизвестен. Зато из данных ЦСУ СССР известно, что себестоимость добычи газа в пересчете на условное топливо в 1953 г. составила 19% от себестоимости угля, а в 1963 г. - уже только 4%, так как за этот период по углю она возросла на 22%, по газу - снизилась в 4,5 раза. Превосходство добычи газа над углем по производительности труда составляет не пять раз, а 20-25 раз, в остальном, включая экологию, они столь же несопоставимы. СССР ни до, ни после войны не мог быть великой газовой державой, но мог в те времена за счет частичной замены угля газом оздоровить топливно-энергетический баланс. То, что газодобыче должно предшествовать строительство газопроводов, усложняло задачу, но в том то и вопрос, что директивной экономике порой достаточно трех сосен, чтобы заблудиться...

Как же шла реализация сталинской программы при его жизни и можно ли в этот период отследить какие-либо формы проявления ОЭЗ социализма? Исследуем этот вопрос хронологически, но в качестве общего фона, характеризующего экономическую действительность тех лет, необходимо указать, что социализм вообще, а сталинизм в особенности, всегда был вынужден выделять в первоочередном порядке и опережающими темпами ресурсы на внеэкономические и антиобщественные (с точки зрения интересов членов общества) акции.

На языке марксистско-ленинской диалектики это не что иное, как соотношение политики, идеологии и экономики. Выстраивает такие соотношения любая страна, но лишь тоталитарная система может неконтролируемо использовать любые ресурсы для своих целей, ставя именно их на первый план и рассматривая конкретного человека как средство их достижения. В период 1946-1952 гг. такими целями были: помощь странам «народной демократии», развертывание «международного коммунистического и рабочего движения», программа ядерной и водородной бомбы, война в Корее и т. д. и т. п.

Специфическим видом антиобщественных затрат были в это

¹¹ См. воспоминания известного нефтяника, а впоследствии председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова в: Отечественная история. 2004. № 3. С. 47-59.

¹² См.: Решения..., Т. 2. С. 247.

время акции, которые впоследствии получили у экономистов название «крупные хозяйственные мероприятия» (КХМ). И снова - таковые могут возникать и возникают в любой стране, но лишь социализм может реализовывать их без смысла, а чаще - без грамотного экономического расчета; это, например, «великий сталинский план преобразования природы», строительство мощных равнинных гидроэлектростанций и каналов, затопивших села, города, сельскохозяйственные земли, лишивших Волгу силы, уничтоживших такое фантастическое порождение природы, как пойменные луга. Венцом этого волонтаризма и просто преступности системы, видимо, можно считать «мертвую дорогу» Салехард - Игарка. Отдельным вопросом повисает самое, пожалуй, знаменитое КХМ - Беломорско-Балтийский канал, по которому сколько-нибудь серьезно так и не выяснено, зачем его строили. Но открывал список хозяйственных нелепостей социализма ленинский «инвестиционный проект» 1921 г. под названием Алгемба - строительство железной дороги и нефтепровода от эмбенских нефтепромыслов в направлении Саратова¹³.

Многие формы защиты своих интересов за счет интересов народа социализм продемонстрировал начиная даже не с «года великого перелома», а еще раньше. Об этом свидетельствует, например, уникальная статистика внешней торговли СССР в разрезе средств производства и предметов потребления за 1913-1940 гг., опубликованная, видимо, единственный раз в 1960 г.¹⁴. Из нее следует, что весь период 1925-1940 гг. без единого исключения СССР был «чистым» экспортером предметов потребления; положительное внешнеторговое сальдо по этой позиции составило за 1929-1940 гг. 3,6 млрд. рублей в ценах 1950 г., причем на 1 рубль ввоза приходилось более 3 рублей вывоза: экспорт составил за этот период 5,3 млрд. рублей, импорт - 1,7 млрд. рублей. При этом нужно учесть, что сырье для производства предметов потребления, в первую очередь зерно, в эту позицию не входит, поскольку оно является средством производства (одним из них - предметом труда) для пищевой и легкой промышленности. Экспорт-импорт продовольствия (куда также сырье не входит) в этот период носил точно такой же характер: в 1924-/1925 хозяйственном году чистый импорт продовольствия составил 151 млн. рублей, со следующего года картина меняется на противоположную, а за период 1929-1940 гг. включительно положительное сальдо по продовольствию составило 1,8 млрд. рублей. В 1933 г. экспорт продовольствия составил 189,5 млн. рублей, импорт - 32,4 млн. рублей.

Заканчивая обсуждение роли внешней торговли в ОЭЗ социализма, представляется уместным привести статистику внешней торговли СССР и Германии в 1940 г., после заключения пакта Молотова - Риббентропа: экспорт СССР в Германию возрос в сравнении с предыдущим годом в 12 раз, импорт - в 7,5 раза. Пассивное сальдо СССР выросло с 4,2 млн. рублей в 1939 г. до 239,6 млн. рублей в 1940 г. Основными статьями нашего экспорта были сырье растительного и животного происхождения и сырье для производства продовольственных товаров - на них пришлось свыше 70% всего экспорта в Германию в 1940 г.; третьей основной статьёй было минеральное сырье. Взаимная торговля СССР с Англией и Францией была практически полностью свернута.

Перейдем к хронологии. В марте 1946 г. тот самый Верховный Совет СССР, о депутатстве в котором Сталин ходатайствовал перед избирателями с попутным изложением своей програм-

мы, принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.»¹⁵ (далее Закон). Им предусматривалось нарастить объем промышленного производства в 1950 г. в сравнении с 1940 г. на 48%; при этом были установлены задания по производству в натуральном выражении по 50 основным видам продукции 10 основных отраслей промышленности, а общее количество плановых заданий по отраслям промышленности и других секторов экономики по стране в целом и по республикам не поддается исчислению. В Законе лимитировалось (естественно, по нижней границе) поголовье скота по видам и посевные площади по видам по каждой союзной республике, количество производимых стаканов и самоваров, число коксовых батарей и объемы производства шихтовых материалов, загружаемых в домы и мартены, километраж лесовозных дорог... Ныне понять смысл этого плановорчества абсолютно невозможно.

Ниже дается краткий обзор итогов IV пятилетки с упором на сектора, тяготеющие к проблематике ОЭЗ. Само по себе, в развитие Закона в ходе пятилетки было издано порядка 10 постановлений партии и правительства, ужесточивших его задания, в том числе и по отраслям потребительского назначения, но анализировать их особой нужды нет, поскольку, как следует из дальнейшего, массово не были выполнены базовые задания.

Промышленность. Из заявленных в сталинской программе видов максимальный прирост намечался по углю - на 51% к уровню 1940 г., добыча нефти должна была возрасти на 14% (к уровню 1945 г. нефть опережала по темпам угля). Ставилась задача «развить в крупных масштабах новую отрасль промышленности - газовую промышленность на базе добычи природного газа и переработки угля, торфа и сланцев».

Апологеты советской экономической системы в своих попытках объяснить несурязицу в соотношении нефтегазодобывающей и угольной промышленности в послевоенный период (до 1953 г. включительно, после чего положение изменилось), видимо, не слишком грешат против истины, когда пишут, что «в то время в стране не было необходимого количества разведанных промышленных запасов нефти и особенно газа», но не объясняют, почему не было. Затем упор перекидывается уже на результаты «ошибок, допущенных плановыми и снабженческими органами при построении топливного баланса страны». Оказывается, что «железные дороги, речные и морские суда, электростанции и промышленные предприятия вопреки экономическим расчетам в спешном порядке (? - В.С.) переводились с жидкого и газового на твердое топливо»¹⁶.

Из 50 основных видов промышленной продукции базовый план был выполнен по 18 видам. «Сталинские» виды дали выполнение 104-117%, в том числе уголь - 104%, нефть - 107% и лишь чугун - 98%, зато газ природный - 69%, газ из угля и сланцев - 22% (вместо 1,9 млрд. куб. м получили 0,42 млрд.). Большой перепад по последней позиции объясняется, видимо, тем, что эту проблему - так называемую подземную газификацию угля - отслеживал еще Ленин, а затем и Сталин, но она технически себя не оправдала (как не оправдала себя впоследствии кукуруза под Архангельском у Хрущева). Намеченный на 1950 г. объем добычи природного газа был достигнут в 1955 г., а газа из угля и сланцев - в 1960-1961 гг. В этом большой беды не было, но вот задания по производству подвижного состава железных дорог были провалены «с треском», и это было одной из

¹³ См.: Иголкин А.А. Алгемба - нефтепровод в небытие. Экономический журнал. РГГУ. 2001. № 1.

¹⁴ См.: Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. Стат. обзор. - М.: Внешторгиздат, 1960. С. 17 (расчетно). Далее в этом и следующем абзацах используется статистика из этого же источника.

¹⁵ «Решения...». Т. 3. С. 246-319. Далее используются выдержки из этого закона, а итоги даются по базовым статистическим сборникам. Точные источники указываются лишь по важным выводам, когда это может вызвать сомнение у читателя.

¹⁶ См.: Развитие социалистической экономики СССР в послевоенный период. - М.: Наука, 1965. С. 184.

многочисленных форм проявления неспособности системы управления обеспечить планомерное, пропорциональное развитие социалистической экономики, хотя «Экономические проблемы...», а вслед за ними и советская политэкономия утверждали, что закон планомерного пропорционального развития отражает самое ядро этой экономики.

Из продукции, тяготеющей к потребительскому сектору (в смысле соответствия ОЭЗ), задания были установлены по 14 видам, выполнены по пяти, но из них четыре вида (из 18) - продукция пищевой промышленности, по которой счет малоинформативен и затруднен включением в число производителей хозяйств населения. По легкой промышленности не были выполнены ни наметки Закона, ни расширенные по перечню и увеличенные по объему задания специального постановления СМ СССР по легкой промышленности от 23.12.1946 г.: исключение составила одна позиция из семи - резиновая обувь, производство которой превысило плановые наметки на 25%. Пассажирских вагонов в 1950 г. было выпущено 35% к плану, причем наметки на 1950 г. не были осилены советским транспортным машиностроением никогда (впоследствии вопрос снялся путем кооперации с ГДР). Производство автобусов составило в 1950 г. 3,9 тыс. штук - 61% к плану, но поражает не это и даже не тот факт, что потребность в автобусах удовлетворялась, видимо, на 5-10%. Поражает другое - ненормальное соотношение в производстве автомобилей (и грузовых, и легковых) и автобусов: на один автобус в 1950 г. пришлось 92 автомобиля. В стране, где легкой автомобиль был доступен лишь партийно-государственной верхушке и деятелям теневой экономики, не составляло большого труда посчитать неотложную потребность в автобусах и перебросить ресурсы из одной подотрасли автомобильной промышленности в другую. На самом деле, ресурсы можно было перебросить из любой сферы, просто автомобильная промышленность технологически подходила для этого наилучшим образом. Специфика послевоенной поры могла сказаться на всем этом, но ведь так было и до войны (!) - огромная страна со 170 (190)-миллионным населением производила за все предвоенные годы менее 14 тыс. автобусов. Исхитряясь в статистике, удается установить, что число мест в автобусном парке страны составляло (тысяч в году): 1940 - 118, 1950 - 160, 1970 - 4780. Положение с автобусами стало меняться к 1970-м годам, но во все времена социализм предпочитал перевозить людей так же, как и грузы, - «навалом». В 1950 г. 1 пассажиро-километр обходился (по себестоимости) в 6,7 раза дешевле, чем 1 тонно-километр. Это означает, что среднестатистический пассажир «весил» 150 кг груза, что не так уж далеко от действительности и объясняет, почему люди должны быть «набиты» в транспорте, как сельди в бочке; к 1975 г. пассажир «потяжелел» до 200 кг груза. Пожалуй, как раз примерно такое (200:150) соотношение характеризует улучшение условий перевозок пассажиров за четверть века. Аналогично, хотя и статистически не фиксируемо, обстояло дело с городским и пригородным железнодорожным транспортным парком. Наиболее общее объяснение этому феномену - пассажироперевозки не входили в костяк интересов системы.

Сельское хозяйство. Итоги пятилетки в этом самом многострадальном секторе советской экономики наиболее отчетливо демонстрируют, насколько система не контролировала ситуацию. Закон исходил из того, что сельское хозяйство произведет к 1950 г. 127 млн. тонн зерна, по итогам 1950 г. официальная статистика, а вслед за нею журнал «Большевик», № 2 за 1951 г. объявили, что сбор составил 7,6 млрд. пудов (124 млн. тонн), а

фактически было собрано (по максимуму во всей пятилетке) 81,2 млн. тонн. Две первые из этих «цифр» были, судя по всему, отголоском обещания Сталина еще на XVIII съезде ВКП(б) довести *ежегодный* сбор зерновых за три-четыре года до 8 млрд. пудов, хотя гарантировать стабильность сбора зерновых на протяжении нескольких лет не может ни одна страна, а 8 млрд. пудов зерновых были впервые собраны в СССР в 1958 г. за счет освоения целины. Творцы Закона исходили из того, что «Производство зерна в 1940 г. составило 119 млн. тонн», а в действительности было собрано (амбарный урожай) 95,6 млн. тонн. Все это говорит о том, каким высочайшим уровнем дезинформации владели правители и какой высочайший уровень некомпетентности они сами демонстрировали. И дело здесь не в способах учета урожаев - видового, амбарного или реально потребленного, хотя сам факт изобретения (точнее, использования в отчетности) так называемого видового урожая говорит о многом.

Далее, в Законе была поставлена задача обеспечить рост производства по всему сельскому хозяйству СССР к концу пятилетки на 27% по сравнению с 1940 г. Фактически производство в 1949-1950 гг., когда оно было наибольшим за пятилетие, сократилось против уровня 1940 г. на 1%. Сокращение среднегодового за пятилетие объема производства составило к уровню 1940 г. 10%. Само по себе это мало о чем говорит, тем более что 1940 г. был для сельского хозяйства, видимо, одним из самых благоприятных, и в частности отмечен высокой урожайностью зерновых, которая превысила уровень «даже» 1913 г., а в последующем была перекрыта только в 1956 г. Важнее другое - задание в 27% прироста было авантюрой, выполнить которое было невозможно ни при каких обстоятельствах. Достаточно сказать, что план автоматически предполагал прирост сельскохозяйственного производства к концу пятилетия в сравнении с 1945 г. более чем в два раза, а это невозможно и в какой-нибудь Голландии, не говоря уже о громадной стране с экстремальными природно-климатическими условиями, с «нулевой» материально-технической базой, с обессиленным от жертв, нищеты и лишений сельским населением. Разумеется, сверхнизкая исходная база 1945 г., когда производство упало в сравнении с 1940 г. на 40%, позволяла рассчитывать на внушительный прирост, но уж во всяком случае не двукратный.

Интересно то, что это была вторая попытка удвоить сельскохозяйственное производство за пять лет. Первую предпринял XVII съезд ВКП(б) в 1934 г., определив «рост продукции по всему сельскому хозяйству за годы пятилетки (*второй* - В.С.) с 13,1 млрд. рублей (в ценах 1926/27 г.) до 26,2 млрд. рублей, то есть вдвое»¹⁷. Фактически тогда производство в 1937 г. по сравнению с 1932 г. выросло на 25%, а в сравнении с 1928 г. - на 8%¹⁸. О том, что означает удвоение сельскохозяйственного производства, свидетельствует тот факт, что СССР удвоил уровень производства 1913 г. лишь в 1957-1958 гг., а уровень 1940 г. - в 1966-1970 гг.

Задания по валовому сбору по пяти основным видам сельскохозяйственных культур (зерно как один вид), установленные в Законе, не были выполнены ни по одному виду, кроме хлопка, по которому почему-то зафиксирован 40%-ный прирост производства в 1950 г. по сравнению с 1949 г. при приросте урожайности на 6%. Максимальный из достигнутого в 1946-1950 гг. сбор составил (в процентах к плану на конец пятилетки): по зерновым - 64 в 1950 г., по сахарной свекле - 80 (1950), по подсолнечнику - 52 (1948), по льноволокну - 39 (1949), по хлопку - 114 (1950). Представим также на суд читателя соответствующие данные по урожайности, но дополнительно укажем год, в котором впервые

¹⁷ «Решения...». Т. 2. С. 449.

¹⁸ Расчет по: Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 350.

в СССР была достигнута запланированная на конец четвертой пятилетки урожайность: зерновые - 66 (1950, 1966), то есть максимальная за четвертую пятилетку урожайность зерновых была в 1950 г. и она составила 66% к плану, а плановая урожайность конца пятилетки (12 ц/га) впервые была достигнута в 1966 г.; аналогично сахарная свекла - 84 (1950, 1960), подсолнечник - 56 (1948, 1958), лен - 48 (1948, 1975), хлопок - 83 (1950, 1953).

По животноводству в Законе устанавливались задания по приросту поголовья скота по видам в целом по всем категориям хозяйств, а по республикам - по поголовью, в том числе в колхозах. Из 64 позиций, по которым можно сопоставить план - факт, выполнено только шесть позиций по республикам (три из них за счет Киргизии). Довоенное поголовье было превышено к концу 1950 г. по крупному рогатому скоту (КРС) в целом и по овцам, численность коров составила в сравнении с 1940 г. 87,4%, лошадей - 65,7%. Одним из итогов пятилетки стало быстрое нарастание поголовья скота в колхозах (насколько можно судить - за счет обобществления скота единоличников) и одновременно - абсолютное сокращение поголовья КРС, в том числе коров, а также овец у населения не только в сравнении с довоенным уровнем, но и с 1945 г. Численность КРС в этой группе хозяйств сократилась в сравнении с 1940 г. на 20,3%, коров - на 23,7%, овец - в 2,6 раза. Доискаться до причин этого, исходя только из статистических данных, не удастся, но известно, что массовым был забой скота, включая и коров, для выполнения обязательств по поставкам государству. Второй причиной, так или иначе повлиявшей на это сокращение, были нелепые ограничения на использование общественных сенокосов на нужды хозяйств населения. Никаких доказательств того, что это иницировалось «Москвой» нет, но никому от этого лучше не становилось: ни улучшению положения крестьянства, ни росту эффективности сельского хозяйства это не способствовало. Способствовало это лишь одному - концентрации в руках системы большего количества ресурсов, которые она в принципе не могла эффективно использовать, хотя и реализовывала с помощью этих ресурсов свои установки.

Отследить влияние неурожая и последующего голода 1946 г. на динамику сельскохозяйственного производства не удастся, но по статистике отчетливо видно, что оно было, по меньшей мере, значительным. Централизованная система управления среагировала на усложнение ситуации в полном соответствии с собственной «ментальностью»: одной из самых грубых форм вмешательства в производственную деятельность колхозов стал запрет, начиная с 1947 г., самостоятельного определения ими структуры посевных площадей под зерновые. Пленум ЦК ВКП(б) в феврале 1947 г. постановлением «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» обязал доводить планы посева колхозам по каждой зерновой культуре в отдельности. Перечень остальных ограничений, введенных этим постановлением, включая всевозможные «рыбы слова», занял бы, исходя из объема документа, примерно два печатных листа.

Резонно задаться вопросом: можно ли было на фоне неурожая избежать массового голода 1946-1947 гг.? Фактически историки уже дали недвусмысленный ответ на этот вопрос. Например, один из самых серьезных историков советской экономики эпохи сталинизма В.П. Попов установил, что государственные запасы зерна в 1946 г. превышали уровень военных лет¹⁹. Хорошо известно также, сколько зерна было экспортировано и куда его поставляли. Ясно, однако, что во имя спасения человеческих жизней сталинизм не мог отступить от собственных ка-

нонов и потерять свою логическую стройность.

Жилищное строительство и социально-культурная сфера. Социализм в реализации ОЭЗ столкнулся с двумя основными проблемами, которые он так и не смог решить: питание и жилье. Если проблема питания определяется многими факторами, то в решении жилищной проблемы успех определяется одним - размером выделяемых на это средств, иначе говоря - объемом и структурой капитальных вложений. СССР и США, например, по общему объему капитальных вложений различались незначительно, но доля их, направляемая в непродовольственную сферу и жилищное строительство, была в США намного выше. Как именно и за счет чего это было так, а не иначе, - вопрос отдельный. В данном случае важно то, что вследствие этого СССР к концу своего существования в решении жилищной проблемы отставал от США, по условной оценке, на 176 лет²⁰. Заложено было это отставание в начале индустриализации, когда СССР резко (и, видимо, автоматически, между делом) поменял всю концепцию жилищного строительства - до этого основной объем вводимого жилья приходился на индивидуальное сельское, но и в государственных капиталовложениях доля жилищного строительства была самой высокой за всю историю СССР - в среднем за 1918-1928 гг. она составила 22,1%; в первой пятилетке эта доля снизилась до 11,8%, во второй - до 10,2%. Индивидуальное строительство на селе с началом индустриализации сократилось примерно втрое, и его размах (порядка 500 тыс. домов/год в 1918-1928 гг.) был достигнут, а затем и превзойден, лишь в 1956-1961 гг. С 1929 г. и до начала войны вся государственная жилищная программа, включая жилкооперацию, обеспечила ввод жилья немногим более 100 млн. кв. м. Это соответствует ежегодному вводу в целом по стране в годы восьмой пятилетки (1966-1970 гг.).

В четвертой пятилетке Законом было определено, что доля жилищного строительства (включая восстановление разрушенного жилья) в государственных капиталовложениях, то есть без учета средств населения и колхозов, должна составить 14,5%, хотя по «нормальной» схеме она могла бы и без претензий на ОЭЗ и проч., а лишь руководствуясь спецификой момента, выйти на уровень 20-25%. Фактически она составила 12,7% и за счет этого было введено за пять лет 72,4 млн. кв. м (100% к плану). Основную часть этого метража составили, видимо, знаменитые бараки, которым была уготована долгая жизнь. О том, что даже с учетом этого все эти эпопеи не могли решить жилищную проблему, свидетельствуют следующие расчетные данные: на одного городского жителя в 1913 г. пришлось 6,3 кв. м общей (полезной) жилой площади; в 1940 г. - 6,7; в 1950 г. - 7,0; в 1952 г. - 6,9 кв. м²¹. Сколько-нибудь ощутимый сдвиг наметился лишь начиная с 1957 г.

Реализация социально-культурных программ четвертой пятилетки была, судя по всему, достаточно успешной, исключая развертывание детских садов (50% к плану) и домов отдыха (64%). Были почти полностью выполнены наметки в области образования, и это дает повод к одному специфическому разговору. Дело в том, что ностальгирующая часть российского общества ныне утверждает, что социализм создал лучшую в мире систему образования. Первый напрашивающийся вопрос в этой связи: за счет чего создавалась эта система, кто ее оплачивал? Ответ для 1950 г.: расходы госбюджета на просвещение и науку составили 56,9 млрд. рублей (13,8% всех расходов), доходы госбюджета за счет налогов и займов (принудительных!) у населения - 62,2 млрд. рублей (14,7% всех доходов). Налог с оборота

¹⁹ См.: Попов В.П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 58.

²⁰ См.: Смирнов В.С. Экономические причины... С. 102 (табл. 5).

²¹ Расчет по: Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 641, ... в 1964 г. С. 7, 610. Данные за 1940 г. несколько завышены из-за разных дат учета населения и жилья.

(куда налоги с населения не входят), являвшийся в сталинские времена основной статьей доходов госбюджета и основной составляющей системы изъятия доходов населения, был в 1950 г. в два с лишним раза больше расходов на все социально-культурные мероприятия, включая просвещение. Из него же оплачивались расходы на оборону, фиксируемая часть которых все послевоенное сталинское время до 1953 г. включительно не опускалась ниже 20% всех расходов госбюджета и превышала суммарные расходы на просвещение, науку и здравоохранение. Суммарная доля налога с оборота и платежей населения в доходах госбюджета составила в процентах: 1940 г. - 70,2; 1946-1950 гг. - 72,0. Таким образом, в предвоенном 1940 г., когда все силы были брошены на подготовку к войне, народ относительно был «раздет» меньше, чем в первой послевоенной пятилетке!

Была ли советская система образования лучшей в мире? Вопрос довольно беспредметный. С моей точки зрения, интереснее другой ракурс: социализм создал ту систему образования, которая была нужна ему и которая больше всего подходила для его целей. Эта система как нельзя лучше подходит под классическое определение тоталитаризма, данное в 1952 г. на Всемирном форуме в США: тоталитарным можно назвать общество, в котором все - от выпуска продукции до воспитания детей - планируется из единого центра.

Потребительский сектор и цены. Изучать уровень потребления материальных благ в СССР в первой послевоенной пятилетке в сопоставлении с другими странами или нормативами потребления - занятие несистемное и, более того, не слишком благодарное: никому не придет в голову устраивать на этот счет какие-либо политические игры, игнорируя специфику исторического момента. Вопрос в другом - насколько государство оправдывало название социалистического, что оно предпринимало для удовлетворения самых насущных материальных потребностей тех, ради кого оно создавалось. Если отбросить бумажные залпы всевозможных решений, постановлений, указов, резолюций, то ничего адресного обнаружить в этот период не удастся. Достаточно сказать, что после войны на село приходилось почти 2/3 всего населения и хотя значительная часть селян работала в городах, практически на весь этот людской массив распространялась жуткая политика раскрестьянивания деревни. Основная боль вопроса состояла, с моей точки зрения, в том, что в этот период массово еще не были утрачены трудовые навыки дореволюционного крестьянина, и если бы такого крестьянина «раскрепостить», то можно было бы рассчитывать на оздоровление всей общественной атмосферы в стране. В реальности все обстояло наоборот, и немалую лепту в усугубление ситуации внесла денежная реформа 1947 г.

Представляет определенный интерес оценить разноречивость суждений российских обществоведов об этой реформе. Разумеется, оценки советских времен с их прессом цензуры не имеет смысла обсуждать. Вопрос не в том, нужно ли было проводить реформу, а в том, кто на ней выиграл и кто пострадал. Эта сторона реформы-1947 получила развернутое освещение в очень содержательном, информационно чрезвычайно насыщенном монографическом исследовании²². К сожалению, автор мало затрагивает в ней реакцию крестьянства тех лет на эту реформу, но в целом делает (с привлечением огромного фактологического материала) правильный вывод: реформа «...усугубила недоверие населения к финансовым институтам и мероприятиям государства в этой области... Изъятие наличности наиболее сильно ударило по сельскому населению... Здесь в полной мере

проявился ее конфискационный характер... были переоценены в соотношении 10:1 деньги инвалидов войны... доноров...».

Из других материалов последних лет, относящихся к этой проблеме, напрашиваются на анализ исследования апологетического характера. Так, по мнению В.Т. Рязанова, «денежная реформа по характеру проведения была нацелена на защиту экономических интересов низкодходной части населения, наноса одновременно удар по спекулянтам и «теневой экономике»²³. Ему вторит Г.И. Ханин, опубликовавший в журнале «Свободная мысль» целую серию не слишком доказательных, мягко выражаясь, статей о якобы имевшем место советском экономическом чуде: «ее (реформы - В.С.) жертвами стали преимущественно спекулятивные элементы и часть номенклатуры, обогатившиеся в период войны»²⁴.

Чтобы оценить обоснованность этих заключений, примем во внимание, что основной сверхнизкодходной частью населения было крестьянство, а реформа предусматривала обмен наличных денег из расчета 10:1 - за 10 рублей старых один новый; мелкие вклады в сберкассах (до 3 тыс. рублей) не переоценивались. Сбережения населения в кассах составили на 01.01.1946 г. 9 млрд. рублей, на 01.01.1949 г. - 12,9 млрд. рублей (в старом масштабе цен); это позволяет оценить сбережения 1947 г. в 10 млрд. рублей, или порядка 60 рублей на душу населения; сбережения сельского населения были, исходя из разницы в среднем размере вклада городского и сельского жителя, в 3-5 раз меньше. Их можно принять в размере тех же 60 рублей, но не на душу, а на семью. На эти деньги можно было приобрести, судя по оптовым ценам тех лет, 0,5-0,7 тонны торфа (на зиму нужно было порядка 3 тонн), или полкуба леса. Один вклад приходился примерно на 25 человек или на 5-6 семей. Можно указать также, что за 1947-1985 гг. число вкладчиков (точнее - вкладов) возросло примерно в 17 раз, сумма вкладов - в 220 раз, средний размер вклада - в 13 раз. Все сбережения в сберкассах составляли в первые послевоенные годы примерно 3% от объема розничного товарооборота, в 1970 г. - почти 30%, в 1985 г. - почти 70%. Это позволяет оценить размах сберегательного дела в СССР в 1947 г. как ничтожный и, видимо, имевший наибольшее отношение как раз к спекулянтам и теневой экономике, да еще к советской бюрократии, которые, как это признается Ханиным, сумели подготовиться к реформе, узнав о ней заранее. Напротив, к крестьянству это имело практически нулевое отношение. Иного и не могло быть в условиях чудовищной нищеты и голода 1946-1947 гг. Большую роль играла также непросвещенность и чрезвычайная немобильность сельского населения.

В то же время необходимо учесть, что крестьянин обязан был иметь наличные деньги для удовлетворения минимальных потребностей, а также для уплаты всевозможных налогов, сборов, недоимок, займов, взяток. В масштабах страны этот «денежный агрегат» был чрезвычайно мал, но от этого положение десятков миллионов людей не становилось менее тяжким. И уж совсем трагичным было положение тех, кто перед реформой по тем или иным причинам провел или собирался провести какую-либо крупную акцию и посему имел на руках сколько-нибудь крупную сумму денег.

Все это позволяет отменить заключения В.Т. Рязанова и Г.И. Ханина как необоснованные.

Чтобы как-то продемонстрировать в этот период заботу о благе общества, социализм пошел на одно из самых гениальных по степени демагогии изобретений - знаменитое снижение цен на потребительские товары. Для этого использовался тот

²² См.: Чуднов И.А. Денежная реформа 1947 г.... (см. прим. 3). Цитируемый из нее далее текст - с. 226/7.

²³ Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX-XX веках. - СПб.: Наука, 1998. С. 46.

²⁴ См.: Свободная мысль. 2003. № 9. С. 121.

факт, что за время войны потребительский рынок был разрушен, розничные цены возросли в неизвестное количество (видимо в 10-12) раз. 16.09.1946 г. были резко повышены так называемые пайковые цены, по которым отоваривались продовольственные карточки; в результате стоимость пайка возросла, по данным известного российского экономиста-эмигранта С.Н. Прокоповича, почти в три раза, а компенсация этого повышения за счет повышения зарплаты была в три-четыре раза меньше. Уже это внесло свою лепту в резкое повышение в 1946 г. доли налога с оборота в доходах госбюджета, которая даже с учетом снижения ставок налогов и займов возросла против уровня 1945 г. на 11,7 процентного пункта!

Структура оптовых цен напоминала в период снижения цен перекошенную пирамиду: в 1948 г. общий индекс оптовых цен промышленности (то есть с налогом с оборота) составил к уровню 1940 г. в тяжелой промышленности 111%, в легкой и пищевой - 272%. С этого-то уровня и начались какие-то скидки, означавшие всего лишь незначительное снижение ставки налога с оборота (точнее, снижение доли налога с оборота в розничной цене). При этом финансовой системе ничего не стоило снивелировать и эти скидки за счет произвольного установления налога с оборота на вновь осваиваемые товары потребительского назначения. Именно так дело и обстояло. Об этом свидетельствует тот факт, что физический объем розничного товарооборота в 1950 г. превысил уровень 1940 г. на 7,1% вместо намечавшихся в пятилетнем плане 28%, а в стоимостном выражении наметки Закона были резко перекрыты - товарооборот в 1950 г. составил 360 млрд. рублей при плане 275 млрд. рублей.

О том, как соотносились налог с оборота и ОЭЗ социализма, свидетельствуют данные, которые раньше нельзя было как либо комментировать за невозможностью их публикации. В соответствии с ними, доля налога с оборота в розничной цене составляла (в процентах):

Таблица 1

	1957	С 01.07.1959
Часы мужские «Победа»	75,8	70,4
Часы наручные женские «Звезда»	80,0	77,5
Велосипеды мужские В-110 «Прогресс»	41,7	28,9
Фотоаппарат «Зоркий-2С»	50,7	24,9
Фотоаппарат «Зоркий-4»	57,0	45,7
Масло растительное в среднем за 1959 г.		56,2
Хлеб пшеничный/ржаной	35,5	26,8
Папиросы (с. Беломорканал)		72,6
Хлопчатобумажные ткани в среднем		57,8
Льняные ткани в среднем		32,2
Штапельные ткани в среднем		72,4
Хромовая мужская обувь на сто пар: оптовая цена без налога с оборота / с налогом, рублей		8879 \ 19634

Источник: Структура розничных цен на товары народного потребления / ЦСУ при СМ СССР. - С. 66, 68, 70, 74, 76. (Имеет гриф: не подлежит опубликованию в открытой печати.) Без места и года.

Чтобы оценить характер этих данных, нужно учесть, что в розничную цену входят себестоимость и прибыль соответствующей отрасли промышленности, торгово-транспортная наценка (ТТН) и налог с оборота. Приблизительно прибыль в сумме с ТТН можно оценить в 1/2 от себестоимости; тогда доля себестоимости в цене составит, исходя из порядка цифр в таблице, 15-35%. Доля зарплаты в себестоимости продукции потребительских отраслей составляла в СССР 5-12%. Это означает, что доля зарплаты в розничной цене представленных в таблице 1 товаров составляла 1-4%. Как говорится в таких случаях, комментарии излишни. Дополнительно можно принять к сведению, что на рубеже 1940-х - 1950-х годов доля налога с оборота в розничной цене никак не могла быть ниже уровня 1957 г. Об этом свидетельствует тот факт, что доля налога с оборота в денежных накоплениях народного хозяйства и в доходах госбюджета начиная с 1953 г. резко снизилась, затем стабилизировалась, после 1958 г. началось ее дальнейшее устойчивое снижение, а с началом косыгинской реформы 1965 г. основным источником доходов госбюджета вместо налога с оборота стала прибыль.

Дополнительным штрихом в эпопее снижения цен было то, что «снижение цен проводилось целиком за счет деревни, за счет перенапряжения сил ее населения и резкого ухудшения его материального положения»²⁵. Дело в том, что снижение государственных розничных цен автоматически влекло снижение их на колхозных рынках, а для крестьянина продажа продуктов с приусадебного хозяйства была едва ли не единственным способом справиться с гнетом непомерных налогов и займов. О том, каковы были масштабы бедствия для крестьян, свидетельствует тот факт, что индекс физического объема продаж сельскохозяйственных продуктов на колхозном рынке (1950 г. к 1940 г.) составил 163, соответствующий индекс цен - 104, а индекс государственных розничных цен, по которым крестьянин отоваривался после продажи результатов своего труда, - 186, в том числе по продовольствию, которое больше всего интересовало крестьянина, - 203²⁶. Взгляд на эту проблему сквозь «розовые очки» Г.И. Ханина другой: снижение цен колхозного рынка в три раза якобы «свидетельствовало об относительной сбалансированности товарно-денежного обращения в этот период», а изобилие многих «ставших впоследствии дефицитными товаров в конце 1940-х годов» свидетельствовало об улучшении положения на потребительском рынке»²⁷, хотя в действительности это свидетельствовало лишь о сверхнизком покупательском спросе, обусловленном нищетой.

Исходя из опубликованных, но крайне ненадежных данных ведомственной торговой статистики, выигрыш населения от снижения цен за 1948-1950 гг. составил 26,7% к суммарному товарообороту за этот период²⁸. Даже если это принять на веру, то все равно не удастся обосновать утверждения о снижении общего уровня розничных цен за 1947-1952 гг. в два раза, то есть, видимо, эта информация грубо неверна²⁹. Еще проще убедиться в том, что грубо неверна информация о снижении цен в 1950 г. на 20%. Для этого физический объем продаж должен был возрасти за год, исходя из роста товарооборота, более чем на 30%, а это исключено хотя бы потому, что в 1949-1950 гг. сельскохозяй-

²⁵ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы. // Отечественная история. 2001. № 3. С. 69.

²⁶ См.: Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 770, 788, 789. Крестьянин продавал на рынке мясо, урывая его от собственных детей, покупал на вырученные деньги сливочное масло и относил его местному приемщику в счет своих обязательств по натуральному сельхозналогу.

²⁷ См.: Свободная мысль. 2003. № 9. С. 121. Да будет известно господину Ханину, что в свободной продаже в Москве был не только холодильник «ЗИЛ» (и автомобиль «Победа»?), но и мясо по 11 (?) руб./кг, но все это было недоступно строителям коммунизма.

²⁸ Здесь и далее в этом абзаце вся комментируемая информация взята напрямую или рассчитана из: История социалистической экономики СССР. - М.: Наука, 1968. Т. 6. С. 156, 169, 171.

²⁹ Попытки автора устроить некое подобие социологического опроса среди пожилых людей привели его к тому же выводу: все пятеро опрошенных восприняли информацию о двукратном снижении цен за этот период с недоумением. В 1960-е годы мне не раз приходилось слышать саркастические выпады того свойства, что если сложить шестилетние снижения цен вместе, то цены 1953 г. должны были быть нулевыми и (или) «отрицательными».

ственное производство, примерно на 80% определявшее в те годы материальную базу розничного товарооборота, выросло крайне незначительно. Наконец, анализ объемов и структуры госбюджета за пятилетку 1946-1950 гг. как раз показывает, что весь выигрыш населения от снижения цен был «съеден» ростом (абсолютным) налога с оборота и налогов и займов с населения.

Последнее, что требует комментариев по итогам четвертой пятилетки, - уровень зарплаты. Среди рабочих и служащих, то есть без учета колхозников, она выросла в 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 93%, в том числе в промышленности, на транспорте и в просвещении более чем вдвое. Если оценивать реальную зарплату по индексу розничных цен, то ее прирост в 1950 г. к 1940 г. составит $(193:186 - 1) \times 100 = 3,8\%$, но с учетом уровня цен колхозного рынка прирост может быть оценен примерно в 5%. К сожалению, исчислить по такой же схеме реальную «зарплату» крестьян не удастся. Оценка исходя из данных официальной статистики дает прирост денежных и натуральных доходов крестьян от общественного и личного хозяйства в 1950 г. в сравнении с 1940 г., по расчету в сопоставимых ценах, более чем на 8%, а это близко к предыдущей оценке.

Если держать в уме тезис Сталина об удвоении реальной зарплаты как об одном из достаточных условий перехода к коммунизму, то оказывается, что в СССР коммунизм по этой статье должен был наступить вскоре после 1965 г. В этом году номинальная зарплата возросла в сравнении с 1950 г. в 1,5 раза, а индекс цен составил 0,75, что как раз дает удвоение, но, увы, не приближает к коммунизму. Это означает, что Сталина с таким же успехом, как и Хрущева, можно было обвинять в левачих загибах, волонтаризме, забегании вперед и проч., хотя, по сути, речь идет о какой-то специфической аберрации сознания.

Период сталинского правления охватывает и начало пятой пятилетки, но сколько-нибудь детально проанализировать этот период, не прибегая к специальным исследованиям, не удастся из-за скудости статистики за промежуточные годы. В целом плановые установки пятой пятилетки носили куда более осмысленный и просто грамотный характер. В то же время есть множество свидетельств того, что именно 1953 г. был переломным, причем он носил и «просталинский», и «антисталинский» характер. В этом смысле чрезвычайно характерна структура расходов госбюджета, который утверждался в конце предыдущего года и за которым Сталин бдительно следил. Вот как выглядят соответствующие данные³⁰ (в процентах):

Таблица 2

	1946-1950	1950	1953	1955
Доля в расходной части госбюджета: на социально-культурные мероприятия	28,1	28,2	25,0	27,3
на оборону	19,7	20,0	20,9	19,9

Показательно, что именно после 1953 г. СССР ускорил темпы экономического роста практически по всем ключевым показателям. Среднегодовой прирост за 1951-1953 гг. и 1954-1955 гг. составил соответственно: по национальному доходу - 10,8 и 12,1%; по сельскому хозяйству - 1,3 и 5,7; по капиталовложениям - 9,4 и 14,0; по основным фондам - 10,0 и 11,5%; по промышленности в целом прирост в 1954-1955 гг. был чуть ниже, но чрезвычайно характерно, что основные отрасли, определяющие технический прогресс, - машиностроение и химическая

промышленность - несколько ускорили в этот период рост³¹. В 1954-1955 гг. резко возрос почти по всем позициям (порядка 15) прирост производства предметов культурно-бытового назначения, производимых машиностроением (аналог основной их части в странах рыночной экономики - товары длительного пользования). Ускорился и рост розничного товарооборота, но по нему промежуточные данные есть только за 1952 г. В 1955 г. в сравнении с 1952 г. в три-четыре раза возросли ресурсы товаров производственного и хозяйственного назначения, выделенные населению и колхозам. Поступательный рост продолжался и дальше, и многое говорит за то, что большую роль в этом сыграло освобождение сельского хозяйства от сталинского беспредела (этот сюжет достаточно хорошо известен). Поразительно, что 1953 г. отмечен наименьшим приростом населения на всем интервале 1950-1955 гг., но никакого внятного объяснения этому феномену нет; известно лишь, что произошло это за счет сокращения рождаемости, а не роста смертности.

Если с позиций ОЭЗ проанализировать весь период «сталинского правления», то есть начиная с 1929 г., то можно обнаружить, в какую суровую действительность воплощались прекрасноречивые мечтания социализма. Очень интересную эволюцию таких популяризованных проследил М.А. Фельдман. Анализируя довоенные пятилетние планы с точки зрения социальных установок, он констатирует: «Второй пятилетний план разительно отличался от первого... почти в три раза сократился материал, посвященный социальному развитию... практически отсутствовал анализ выполнения социальных задач, намеченных первым пятилетним планом (*естественно, поскольку не будешь же сообщать о провале этих задач - В.С.*), исчезли упоминания о бюджетах рабочих... по величине заработка и душевого потребления... В третьем же пятилетнем плане... тема рабочего класса как отдельный аспект политики, по сути, отсутствовала... В целом власть добилась от рабочих СССР смирения, повиновения приказам. Но такой рабочий класс не мог стать носителем модернизации»³². Почти все эти выкладки можно дополнить богатым статистическим материалом.

Далее события развивались так, как они и должны были развиваться. Уже в 1953-1954 гг. во исполнение основного экономического закона были осуществлены крупные меры по росту благосостояния народа, в первую очередь крестьянства, которому впоследствии даже были выделены 9-20-рублевые пенсии (средний размер пенсии колхозника составил в 1970 г. 14,3 рубля); в 1960-е годы стали создаваться потребительские отрасли промышленности, приоткрылся железный занавес, а на рубеже 1960-х - 1970-х годов почти слились воедино две крупные акции, обозначившие тенденцию к перерождению классического социализма сталинского типа в мелкобуржуазный - раздача земельных участков горожанам и массовая (по советским меркам) автомобилизация, нарушившие на социально значимом уровне святая святых социализма - имущественное равенство и резко расширившие теневую экономику.

Все это превращало людей из «винтиков» системы в потребителей со своими собственными «критериями оптимальности», а маховик потребностей может раскручиваться до бесконечности, поскольку еще со времен Сократа известно, что человек больше всего страдает от сравнений. Сталин это понимал с той гениальностью государственного мужа, которая у него, несомненно, наличествовала, и основной смысл «железного занавеса» в том и состоял, чтобы снять эту проблему.

Теневая экономика наносила социализму разрушительный,

³⁰ См.: Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 908; История..., т. 6. С. 160.

³¹ Расчет по: Народное хозяйство СССР в 1958 г. С. 55.

³² Фельдман М.А. Советское решение рабочего вопроса на Урале (1929-1941 годы). // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 123, 130.

хотя и не видимый на поверхности удар: по оценке ведущего специалиста по теневой экономике Т.А. Корягиной, годовой оборот теневой экономики в СССР определялся в 5 млрд. рублей в конце 60-х годов и в 90 млрд. рублей в конце 80-х годов; это составляло, если следовать официальным данным советской статистики, соответственно порядка 2 и 10% ВВП, то есть в 80-е годы это была критическая масса, не просто влиявшая на экономическую ситуацию в стране, но, что куда более важно, размывавшая основы социализма.

В заключение о том, на каком уровне потребления социализм окончил свое существование. Единственный способ оценить это - сравнить этот уровень с нормативами или с достигнутым другими странами уровнем. Как ни странно, последнее - занятие малопродуктивное, чреватое скороспелыми ошибочными выводами и к тому же весьма исчерпывающе отраженное в

официальной статистике. Поэтому лучше обратиться к внутренним делам.

Первое соотношение дается в таблице 3. Под рациональными нормами в ней понимаются утвержденные (согласованные, принятые, как-то учитываемые) разработки советских экономистов, статистиков, медиков, физиологов и др. по рациональному потреблению материальных благ и услуг. Примерно тот же смысл имеет понятие минимальной потребительской корзины, официально утверждаемое в настоящее время на уровне закона в России, но оно характеризует минимально допустимую границу потребления, а суммарное денежное выражение этой границы - прожиточный минимум, ниже которого наступает черта бедности. Кроме того, в науке об уровне жизни есть понятие крайней бедности: порогом ее является денежный доход, меньший в два раза прожиточного минимума.

Таблица 3

**Рациональные нормы и фактический уровень потребления материальных благ
в СССР в 1913-1985 гг.***

Наименование	Рациональные нормы	Фактический уровень потребления по годам					Справочно: Россия	
		1913	1940	1950	1970	1985	2003	Минимальная потребительская корзина**
Хлеб и хлебобродуки	110	200		172	149	132	120	152
Картофель	97	113		241	130	107	125	123
Овощи и бахчевые	146	40		51	82	102	94	89
Фрукты и ягоды свежие	113	11		11	35	48	41	17
Сахар	40	8,1		11,6	38,8	42,2	36	20,3
Мясо и мясoproductы	82	29		26	475	61,7	48	31,5
Рыба и рыбопродукты	18,2	6,7		7	15,4	18	11,1	13,7
Молоко и молочные продукты	405	154		172	307	325	231	210
Яйца, штук	232	48		60	159	260	245	166
Ткани всего, кв. м	50	13,4	17,1	16,5	30,4	37,1		
Трикотаж верхний, штук	4,0		0,3	0,3	1,8	2,1		
Трикотаж бельевой, штук	9,4		0,6	0,8	3,5	4,7		9
Чулки, носки, пар	8,3		2,5	2,6	6	7,2		7
Обувь кожаная, пар	3,6	0,4	1,1	1,1	3	3,2		
Часы всех видов (на семью)	6		0,4	0,8	4,1	5,3		
Радиоприемники и радиолы	250		2	11	72	96		
Телевизоры	135			0,0	51	97	133	
Холодильники	110			0,0	32	91	114	
Жилье, кв. м общей площади на 1 человека (при семье из 3 человек)	19,9-22,7***	6,3	6,7	7,0	11,0	14,1	19,7	18,0

* На душу населения в год, для продуктов питания - кг. Для товаров длительного пользования - обеспеченность на 100 семей.

** Для трудоспособного населения.

*** При численности семьи три человека (для семьи из двух человек норматив выше).

Источники: Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. - М., изд-во «Мысль», 1977, с. 102, 105, 119; Народное хозяйство СССР 1922-1972. Юбил. стат. ежегод. - М., Статистика, 1972, с. 372; Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбил. стат. сб. - М., Финансы и статистика, 1987, с. 469, 470, 472. Народное хозяйство СССР в 1970 г. с. 7, 239, 243-245, 251; ... в 1975 г., с. 40, 576, 594, 595; Российский статистический ежегодник. 2004. - М., 2004, с. 213, 681; Федеральный Закон «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» от 20.11.1999 № 201-ФЗ.

Анализ с этих позиций данных таблицы 3 позволяет заключить, что 1913-й, 1940-й и 1950-й годы характеризуются примерно равным уровнем потребления, который по нынешним понятиям может быть определен как крайняя бедность. Видимо в основном это соответствует действительности, но с одним существенным уточнением: восприятие уровня потребления материальных благ в глубоко религиозной стране, какой была дореволюционная Россия, и во «вздыбленном» по всем статьям Советском Союзе было совершенно различным. С равным правом это относится и к данным за 1985 г.: по ним видно, что СССР достиг или почти достиг рациональных норм потребления, но экономически это мало о чем говорило. СССР по производству обуви, например, был мировым лидером, но решить

обувную проблему так и не сумел. Обыватель в основном обеспечил себя холодильниками, но теперь ему нужны были качественно иные холодильники, а в них - качественно иная еда.... Расширение потребностей явно обгоняло расширение возможностей по их удовлетворению, и ничего поделать с этим было нельзя, поскольку централизованно управляемая экономика не предназначена для этого, а экономические реалии были таковы, что и поддержание потребления на достигнутом уровне становилось всё большей проблемой. И корень вопроса состоял в том, что в социалистической экономике действовал подлинный, а не мнимый основной экономический закон, который можно определить как производство ради производства. Но это - другая история.